

АРХЕОГРАФИЯ: КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ АЗИИ

ARCHEOGRAPHY: CULTURAL CODES OF ASIA

УДК 903.15(395.1)

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-176-183

Гульнар Тулегеновна Каженова,

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва

(г. Нур-Султан, Республика Казахстан),

e-mail: gkazhenova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4124-0460>

Любомир Степанович Добровольский,

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва,

(г. Нур-Султан, Республика Казахстан),

e-mail: lubomirdobrovolskiy@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-1392-5355>

Скифские захоронения: проблема локализации царских курганов

Локализация Скифского Герроса всё ещё остаётся окончательно неопределённой. Связанная с ним проблематика охватывает обширный круг неразрешённых в настоящее время актуальных вопросов, обусловленных как состоянием сохранности богатых захоронений, так и отсутствием чётких критериев их определения, в частности социального ранжирования, – т. е. вопросов, касающихся идентификации, количества и локализации царских курганов. Исследование построено по логике общенаучного индуктивно-дедуктивного метода как концептуального ядра получения исходных и выводимых знаний об объекте нашего исследования – локализации курганов скифских царей. Предмет изучения – общекультурные и археологические признаки скифских царских курганов. В результате делается вывод, что применение краниологических исследований антропологического материала из погребальных памятников, находящихся в пределах скифского «квадрата» Геродота, на предмет их близости к тувинским окуневцам позволит, во-первых, идентифицировать и отобрать из всего массива скифского материала скифов царских, а последующее картографирование данных даст возможность определить ареал их расселения. Во-вторых, с помощью краниологического анализа можно определить захоронения скифских царей, которые должны, согласно Геродоту, содержать однородный антропологический материал в пределах одного погребального помещения. В-третьих, в процессе поисков скифских захоронений за пределами степи нам также помогут краниологические исследования материала, изначально не классифицированного как «скифский» из-за отсутствия чётких критериев его отбора. В-четвёртых, картографирование захоронений царских скифов и систематизация всех признаков у групп, находящихся в одном векторе их ближайших связей, приблизит нас к решению ещё более обширной задачи – определения понятий «скиф», «скифская культура» и «скифская археологическая культура».

Ключевые слова: Геррос, курган, локализация, царские курганы, царские скифы

© Каженова Г. Т., Добровольский Л. С., 2021

Gulnar T. Kazhenova,

L. N. Gumilyov Eurasian National University
(Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan),
e-mail: gkazhenova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4124-0460>

Lubomir S. Dobrovolskiy,

L. N. Gumilyov Eurasian National University
(Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan),
e-mail: lubomirdobrovolskiy@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1392-5355>

Scythian Burials: The Problem of Localization of the Royal Mounds

The localization of the Scythian Gerros is still completely uncertain. The problems associated with it cover a wide range of currently unresolved topical issues due to both the state of preservation of rich burials and the lack of clear criteria for their definition, in particular, social ranking, i. e. issues related to the identification, number and location of the royal mounds. The study is based on the logic of the general scientific inductive and deductive method as the conceptual core of obtaining the initial and inferred knowledge about the object of our research – the localization of the mounds of the Scythian kings, the subject of which is the general cultural and archaeological signs of the Scythian kings' mounds. We have come to the conclusion that the use of craniological studies of anthropological material from burial monuments located within the Scythian "square" of Herodotus, for their proximity to the Tuvan Okunevians will firstly allow us to identify and select the royal Scythians from the entire massif of Scythian material, then subsequent mapping of the data will make it possible to determine the area of their settlement. Secondly, with the help of craniological analysis, it will be possible to determine the burials of the Scythian kings, which should contain homogeneous anthropological material within the same burial room. Thirdly, in the process of searching for Scythian burials outside the steppe, we will also be helped by craniological studies of material that was not initially classified as "Scythian" due to the lack of clear criteria for its selection. Fourthly, the mapping of the burials of the royal Scythians and the systematization of all the signs of groups located in the same vector of their closest ties will bring us closer to solving an even more extensive problem – the definition of the concepts of "Scythian", "Scythian culture" and "Scythian archaeological culture".

Keywords: Gerros, mound, localization, Scythian kings' mounds, royal Scythians

Введение. Ещё в 455–445 гг. до н. э. во время своих путешествий Геродот писал о существовании в стране скифов таинственной местности под названием Герр (Геррос, Герхой), представлявшей собой некрополь скифских царей. По легенде в этом «городе мёртвых» скрывались несметные скифские сокровища из золота, серебра и меди. Это сакральное место древний историк локализовал так: «Могилы царей находятся в [области] геррос, в том месте, до которого Борисфен судоходен»¹ (Борисфен – современная река Днепр). О реке Герр писал Птолемей, но она определяется как р. Молочная. Более точной информации не имеется. Скифы тщательно скрывали местонахождение страны Герр. Поэтому авторы, писавшие о Герросе, сами там никогда не были. Вопрос локализации скифского Герроса – «отчих могил» царских скифов – несмотря на длительность его рассмотрения до сих пор является актуальным в связи с обширной проблематикой, раскрывшейся в ходе его решения. С помощью анализа различных полей этой проблематики можно вы-

делить точки их пересечения и определить возможный путь их решения.

Методология и методы исследования. Методологическим базисом нашего исследования служит *историко-диалектический подход*, основанный на *принципе историзма и системности* и подразумевающий объективно-исторический анализ конкретных фактов, которые определили характер и специфику изучаемой проблемы, а также системную обработку исторических источников и научной литературы. Исследование построено по логике общенаучного *индуктивно-дедуктивного метода* как концептуального ядра получения исходных и выводимых знаний об объекте нашего исследования – локализации (местонахождении) курганов скифских царей, – предметом которого являются общекультурные и археологические признаки скифских царских курганов. При общем *системно-функциональном* и *синхронно-диалектическом* подходе к рассмотрению исторических фактов использованы приёмы теоретико-эмпирического *индуктивно-дедуктивного* метода как магистрального в исследовании: приём выборки из историографических источников, теорети-

¹ Геродот. История в девяти книгах / пер. Г. А. Стратановского. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.

ческий анализ научной литературы, анализ результатов полевых исследований, приём научной интерпретации исторических фактов, анализ теоретических и исторических данных и приём культурно-исторической интерпретации фактов археологии. Они применяются нами в логической последовательности этапов комплексного исследования всей проблематики локализации царских курганов, направленного на выявление их релевантных характеристик, и в своей совокупности составляют его методологическую основу.

Результаты исследования и их об- суждение. *Проблема локализации царских курганов.* В результате длительного исследования и горячих дискуссий на протяжении последних 300 лет, начиная с локализации Герроса на восток от среднего течения Днепра на его Левобережье (мысль высказана Г. З. Байером в 1728 г.), исследователи приходят к выводу о существовании нескольких разновременных Герросов. Так, Б. Д. Михайлов предложил различать Геррос Азиатский, простирающийся от Саяно-Алтая до Тянь-Шаня (IX–VI вв. до н. э.), Геррос Геродота на Северном Кавказе – Кубани (VII–VI вв. до н. э.) и Геррос Птолема на р. Молочной [1].

Очевидно, что название «Геррос Геродота» применительно к кубанским могильникам противоречит локализации Герроса самим Геродотом, т. е. в пределах скифского «квадрата» (со сторонами 700 км вписывающегося в большую часть земель современной Украины, вне зависимости от принципа его построения [2, с. 101]). Кроме того, Запорожской экспедицией ИА АН УССР 1980–1991 гг. доказано отсутствие скифских некрополей вдоль р. Молочной (за исключением одной Мелитопольской Могилы).

Современной археологией не отрицается вероятность функционирования разновременных Герросов в пределах Великой Скифии [3, с. 153]. Во-первых, на Посулье (р. Сула) локализуют Геррос Геродота, где царские, по критериям Б. Н. Мозолевого [4, с. 237–238], могилы уже существовали ко времени скифо-персидской войны 513 г. до н. э. (т. е. периода, к которому относится описанный Геродотом архаичный погребальный ритуал царских скифов).

На Нижнем Днепре по сторонам Каменско-Никопольской переправы локализуют Геррос Мозолевого IV–III вв. до н. э., начало которому положил, по мнению В. В. Отрощенко [3, с. 153], курган Солоха

(как вероятное захоронение царя Лика [5, с. 146, 166]). Здесь также находится большая концентрация скифских курганов V в. до н. э., которые, согласно критериям высоты Б. Н. Мозолевого, нельзя назвать царскими.

Однако вопрос о локализации скифского Герроса не закрыт после размежевания царских захоронений во времени. Обозначая элитные курганы как маркеры территориальной структуры Скифии, Ю. В. Болтрик признаёт, что «убедительной локализации легендарного кладбища скифских царей периода архаики на археологической карте не существует и поныне» [2, с. 102].

Проблема количества царских курганов. По подсчётам Ю. В. Болтрика, в степях Северного Причерноморья могли быть погребёнными 14 из 17 упомянутых Геродотом царей скифов. Причём со временем правления династии Ариапифа, т. е. начала активного строительства скифских курганов, соотносятся 6–8 верховных царей Скифии, а курганов, которые можно считать усыпальницами царей, насчитывается 60 [2, с. 101–102].

Очерчивая зоны в междуречье Днестра и Дона, где сконцентрированы большие погребальные насыпи, Ю. В. Болтрик отмечает тяготение значительной части наиболее крупных из них к двум ключевым географическим осям [Там же, с. 101, 107].

Во-первых, к основным переправам нижнего течения Днепра, где находились центральные поселенческие структуры Степной Скифии – столичное по своему статусу Капуловское городище как политический, административный и экономический центр жизни скифов времён царя Атея и его преемников, а также Каменское городище как его торгово-ремесленный партнёр [6].

Во-вторых – к водоразделу между Днепром и Южным Бугом, где Б. Н. Мозолевым было открыто скопление десятка 8–11-метровых насыпей вблизи от впадающей в Ингулец степной речки Висунь. Здесь, по водоразделу Ингул – Ингулец, как предполагает Ю. В. Болтрик, пролегал торговый путь из Ольвии к городищам Лесостепи, а захоронения могли быть «или родовым могильником вождей каллипидов, или правителей всей Скифии раннего периода, или же элитным погребальным сооружением финальной фазы истории скифов» [2, с. 101, 107].

Не исключена возможность усматривать могилы лидеров скифских царей также и в неисследованных насыпях высотой до 9 м, находящихся возле Донецкого кряжа [2, с. 108].

Проблема признаков скифской культуры. В современной исторической науке многие учёные неоднократно прямо или косвенно обращают внимание на острую необходимость определения чётких признаков скифской культуры и понятия «скифская археологическая культура».

Как отмечает Т. М. Кузнецова, в археологии нет набора признаков, которые характеризуют и доказывают «скифскую археологическую культуру», принадлежащую как к памятникам Северного Причерноморья, так и к памятникам других территорий, и даже не ставился вопрос о сходстве или различии понятий «скифы», «скифская культура» и «скифская археологическая культура» [7, с. 228]. Вместо этого общепринято интуитивно переносить понятие «скифы» на любой археологический материал, имеющий кочевнический облик или же содержащий определённого типа элементы вооружения или конской упряжи [8, с. 80].

Результаты анализа всех элементов «скифской триады», т. е. звериного стиля, конской упряжи и предметов вооружения, а также антропоморфных стел и изменений в погребальном обряде, по мнению Н. С. Бандриковского, «противоречат не только идее “завоевания”, но и самой мысли об этой триаде как о целостном комплексе – своего рода индикаторе конкретного этноса»; да и сама «скифская триада», по его мнению, это «лишь абстрактный образ, созданный не так скифами, как самими скифологами» [Там же, с. 77].

Проблема критериев социальной стратификации захоронений. В настоящее время со стратификацией курганных захоронений рядовых скифов, как отмечает В. Ю. Мурзин, особых проблем не возникает, однако нельзя говорить о каких-то определённых критериях выделения курганов того или иного ранга среди курганных памятников скифской аристократии, в частности о маркировке захоронений скифских номархов [9, с. 22, 27].

А. Ю. Алексеев, изучавший соотношение династической истории Европейской Скифии с эталонными памятниками скифов, небезосновательно подчёркивал особую деликатность этой проблемы [10,

с. 279]; В. Ю. Мурзин называл попытки идентификации гробниц скифских царей «делом, безусловно, интересным, но слегка напоминающим гадания» [9, с. 24].

Так, Б. Н. Мозолевский распределил курганы скифской знати на четыре группы в зависимости от высоты курганной насыпи и отметил, что ранг погребённых невозможно определить только лишь по этому признаку [4, с. 152, 157, табл. IV].

Г. Н. Курочкин внёс в список признаков, определяющих ранг погребённых в курганах кочевой аристократии, трудовые затраты при сооружении погребальных комплексов, а также количество сопроводительных человеческих погребений и богатство погребального инвентаря, в частности количество изделий из драгоценных металлов [11].

Но, как разъясняет В. Ю. Мурзин, поскольку курган является довольно сложным архитектурным сооружением, то при подсчёте трудовых затрат, вложенных в сооружение погребального комплекса, нужно учитывать размеры (площадь) подземных сооружений – скифских катакомб, характерных для конца V–IV в. до н. э. [9, с. 23].

В. Ю. Мурзин [Там же, с. 25] приводит данные основных критериев социального ранжирования курганов, по результатам наблюдений А. Ю. Алексеева [12, с. 143]. Их использовали В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин [13, с. 124–139] для определения четырёх памятников погребения верховных скифских царей – курганов Солоха, Чертомлык, Александропольский и Огуз. Однако, разделяя скифские погребения на царские курганы и курганы скифской знати, а также курганы богатых скифов и рядового населения, дополнительную градацию усыпальниц скифской знати они не производили [Там же, с. 360].

Ю. В. Болтрик считает перспективным путь картографирования престижных артефактов, который в сочетании с другими признаками станет надёжным способом структурирования территории Скифии [2, с. 108–109]. Но из-за нечёткости принципов подсчёта (как единичных изделий, так и множественных элементов декора) ещё более «размытым» становится признак определения богатства погребального инвентаря на основе количества обнаруженных изделий из золота и серебра [10, с. 25] (viz. богатство захоронений кочевников Азии [14]).

Проблемы сохранности богатых захоронений. Из-за тотального ограбления ещё в древности практически всех центральных могил в курганах скифской аристократии не всегда возможно, как отмечает В. Ю. Мурзин, установить такие признаки богатых захоронений, как количество слуг, погребённых вместе с основным покойником, и количество захоронений лошадей, хорошо сохранившихся лишь в отдельных могилах; сложно подметить определённые закономерности и в более показательном признаке – составе конской узды [9, с. 25].

Поиск таких статусных артефактов, как парадные гориты с золотыми накладками, золотые ножны мечей, золотые пластинчатые конские налобники, а также серебряные кубки, затруднён почти тотальным ограблением погребальных комплексов скифской аристократии, поэтому ключевым и наиболее объективным критерием социальной дифференциации, по мнению Ю. В. Болтрика, выступают объёмы погребальных насыпей [2, с. 108–110].

Проблема хронологии скифской культуры. «Пестроту погребальному обряду скифов добавлял, – как заметил Ю. В. Болтрик, – помимо микроэтнического, ещё и хронологический компонент, тогда и в пределах одного региона отмечаются различные формы основных или центральных могил кургана Скифии» [Там же, с. 103]. В связи с этим он уверен, что хронологическая, социологическая и географическая систематизация погребального массива Скифии даст возможность «с иной стороны подойти к поиску исторических персонажей Скифии» [Там же, с. 108–109].

Поскольку эта проблема связана с пердатировкой памятников скифской архаики (вследствие чего время их появления всё больше отодвигается к началу VII в. до н. э.), необходимо тщательно пересмотреть хронологию раннескифской культуры [8, с. 78–79].

Проблема антропологической однородности скифов. Как было подмечено исследователями, в различных районах погребальные сооружения отличаются друг от друга своим устройством, что указывает на принадлежность курганных полей различным группам кочевников [2, с. 103]. Но отсутствие чётких критериев отнесения археологического материала к скифской культуре и зачисление её носителей к скифам привело к тому, что среди краниологов

продолжаются дискуссии о происхождении причерноморских скифов, в частности связанные с вопросом об антропологической однородности данной группы.

«Прежде всего, – пишет А. Г. Козинцев, – следует оценить масштаб внутрискифской дифференциации, чтобы соотнести его с “внешним” масштабом; выявляя сначала внешние связи для скифов в целом, потом для их крупных территориальных подразделений». Для локальных популяций исследователь отмечает «существование множества нескифских групп, которые к скифам в целом и к отдельным скифским популяциям в среднем гораздо ближе, чем те – друг к другу» [15, с. 146].

Констатируя неоднородность носителей скифской культуры Северного Причерноморья в антропологическом отношении, А. Г. Козинцев отмечает, что наиболее отчётливыми являются различия между степными и лесостепными группами – предположительно из-за их разного происхождения [Там же, с. 155]. По мнению учёного, «скифы» – понятие, как выясняется, довольно неопределённое. Именно к степным скифам и применимо в первую очередь то, что говорится обо всех скифах в целом» [Там же, с. 146].

Антропологическая неоднородность степного скифского населения – возможное свидетельство множественности миграций либо неодинакового участия местных групп в его сложении [Там же, с. 153]. При обобщённом рассмотрении скифского массива им было выявлено, что две из тувинских серий попали в десятку групп, наиболее близких к скифам, а одна из них (относящаяся к окуневской культуре Тувы) заняла по степени сходства со скифами первое место среди всех анализируемых 98 нескифских серий [Там же, с. 146].

При рассмотрении направления связей каждой степной скифской группы по отдельности (у лесостепных таких параллелей нет) было установлено, что наибольшее число близких параллелей при сопоставлении с 17 степными скифскими сериями обнаружила окуневская серия из Тувы, она характеризовалась исключительной близостью к степным скифским сериям по всем использованным критериям [Там же, с. 149–150]. Эта близость находит подтверждение и в археологическом материале [16–19].

Полученные А. Г. Козинцевым результаты, несомненно, являются тем базисом,

на котором будут строиться последующие изыскания скифологов.

Перспективы решения проблем и новизна нашего подхода. Возвращаясь к теме нашей статьи, обратимся вновь к Геродоту. Царские скифы во время Геродота, как и ранее, считались «самыми лучшими и многочисленными», тогда как все остальные племена Скифии являлись их «рабами»¹. В степях Причерноморья кочевали скифы-кочевники и царские скифы, левобережную Лесостепь занимали скифы-земледельцы, постепенно продвигавшиеся на юг и достигшие ко времени Страбона территории Степного Крыма [20, с. 4–5].

Основной очаг распространения скифской культуры находился в степной культурной среде, т. к. «находки предметов скифского вооружения и снаряжения верхового коня значительно уменьшаются в известных нам памятниках по мере продвижения в Лесостепь от её южной окраины на север, почти совсем отсутствуют в лесной зоне» [Там же, с. 7].

Под скифами в Северном Причерноморье, как предполагал Г. Коте, нужно подразумевать только царских скифов, которых он сопоставлял с саками древнеперсидских надписей [21; 22, с. 26].

Данные краниологических исследований почти однозначно приводят нас к мысли, что скифы царские были в антропологическом плане идентичны окуневцам из Тувы. В связи с этим несомненно, что применение краниологических исследований антропологического материала из погребальных памятников, находящихся в пределах скифского «квадрата» Геродота, на предмет их близости к тувинским окуневцам позволит, *во-первых*, идентифицировать и отобрать из всего массива скифского материала *скифов царских*, а последующее картографирование данных даст возможность определить ареал их расселения.

Во-вторых, с помощью краниологического анализа можно будет определить *захоронения скифских царей*, которые должны содержать однородный антропологический материал в пределах одного погребального помещения. Ведь, как пишет Геродот, царю служат только «природные скифы, ибо царю служат те, которым он сам прикажет, а покупных рабов у них вовсе нет». В числе слуг, сопровождавших царя в могилу, Геродот называет вино-

¹ Геродот. История в девяти книгах / пер. Г. А. Стратановского. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.

черпия, конюха, слугу и вестника; а через год из оставшихся слуг выбирали самых способных пятьдесят человек, душили и расставляли в виде конной стражи вокруг кургана².

В-третьих, бесспорно, что в процессе поисков скифских захоронений за пределами степи нам также помогут краниологические исследования *материала, изначально не классифицированного как «скифский» из-за отсутствия чётких критериев его отбора*. Ведь не будем также забывать сообщение Геродота о том, что кладбище скифских царей находилось не на юге степи, а в самой отдалённой части Скифии, в Герросе. Как отмечает А. И. Тереножкин, это объясняет и «редкость могил рядовых общинников раннего времени в степи, т. к. очевидно, и их кладбища находились на иных территориях, в первую очередь, по-видимому, в Лесостепи, где известно особенно много погребальных памятников скифского типа, принадлежность которых только местным лесостепным племенам никем ещё не доказана» [20, с. 11–12].

В-четвёртых, теперь уже нет сомнения, что скифская культура является лишь наиболее выдвинутой на запад частью огромного скифо-сибирского культурного мира [Там же, с. 15]; и в связи с этим считаем, что картографирование захоронений царских скифов и систематизация всех признаков у групп, находящихся в одном векторе их ближайших связей (*viz.* данные А. Г. Козинцева [15, с. 148–149]), приблизит нас к решению ещё более обширной задачи – определения понятий «скиф», «скифская культура» и «скифская археологическая культура».

Заключение. Локализация Скифского Герроса всё ещё остаётся окончательно неопределённой. Связанная с ним проблематика охватывает обширный круг неразрешённых в настоящее время актуальных вопросов, обусловленных как состоянием сохранности богатых захоронений, так и отсутствием чётких критериев их определения, в частности социального ранжирования, – т. е. вопросов, касающихся идентификации, количества и локализации царских курганов.

Актуальны вопросы очень обширной и глубокой общей проблематики скифологии – происхождение скифов и их антропологическая однородность, а также содержание таких ключевых понятий, как «скиф»,

² Там же.

«скифская культура» и «скифская археологическая культура», связанные в целом с проблемой хронологии скифской культуры.

Таким образом, в свете новейших достижений современной науки перспектив-

ным считаем решение целого множества вопросов скифологии, в частности, с локализацией царских курганов, с помощью краниологического анализа антропологического материала древних захоронений.

Список литературы

1. Михайлов Б. Д. Загадки древнего Герросса. Киев, 2009. 144 с.
2. Болтрик Ю. В. Элитные курганы как маркеры территориальной структуры Скифии // *Recherches Archéologiques*. Kraków. 2011. NS 3, S. 101–112.
3. Отрощенко В. В. Геррос Мозолевського // *Археологія і давня історія України*. 2016. Вип. 2. С. 152–154.
4. Мозолевський Б. М. Товста Могила. Київ, 1979. 252 с.
5. Алексеев А. Ю. Скифская хроника. СПб., 1992. 206 с.
6. Болтрик Ю. В. До питання про політичний центр Скіфії // *Старожитності степового Причорномор'я і Криму*. Запоріжжя. 2004. Вип. XI. С. 38–41.
7. Кузнецова Т. М. Некоторые аспекты скифской археологической культуры // *Kimmerowie, scytowie, sarmaci*. Kraków, 2004. S. 219–230.
8. Бандрівський М. С. Сучасне розуміння «скіфського» і проблема етно-культурної приналежності носіїв середньодністровської групи // *Матеріали і досл. з археології Прикарпаття і Волині*. Львів, 2007. Вип. 11. С. 77–100.
9. Мурзин В. Ю. Проблема визначення поховань скіфських номархів // *Археологія*. 2015. № 1. С. 19–112.
10. Алексеев А. Ю. Хронография европейской Скифии. СПб., 2003. 416 с.
11. Курочкин Г. Н. Гипотетическая реконструкция погребального обряда скифских царей VIII–VII вв. до н. э. и курган Аржан // *Скифо-сибирское культурно-историческое единство*. Кемерово, 1980. С. 105–117.
12. Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. Киев, 1991. 416 с.
13. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев, 1983. 378 с.
14. Акишев К. А. Курган Иссык. М.: Искусство, 1978. 142 с.
15. Козинцев А. Г. Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2007. Вип. 4. С. 143–157.
16. Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У. О некоторых проблемах истории ранних кочевников Тувы // *Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев*. Кызыл, 1980. С. 43–59.
17. Савинов Д. Г. Тува раннескифского времени на «перекрестке» культурных традиций (алдыбельская культура) // *Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит – средневековье)*. СПб., 1994. С. 76–92.
18. Стамбульник Э. У., Чугунов К. В. Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // *Окуневский сборник 2*. СПб., 2006. С. 292–302.
19. Чугунов К. В., Наглер А., Парцингер Г. Аржан-2: материалы эпохи бронзы // *Окуневский сборник 2. Культура и её окружение*. СПб., 2006, С. 303–311.
20. Тереножкин А. И. Общественный строй скифов // *Скифы и сарматы*. Киев: Наукова думка, 1977. 232 с.
21. Kothe H. Pseudoskythen // *Klio*. 1967. Bd. 48. S. 61–79.
22. Kothe H. Appolons ethnokultureller Herkunft // *Klio*. 1970. Bd. 52. S. 18–29.

Статья поступила в редакцию 31.03.2021; принята к публикации 10.05.2021

Сведения об авторах

Каженова Гульнар Тулегеновна, кандидат исторических наук, доцент, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва; 010008, Республика Казахстан, г. Нур-Султан, ул. Пушкина, 11; e-mail: gkazhenova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4124-0460>.

Добровольский Любомир Степанович, студент, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва; 010008, Республика Казахстан, г. Нур-Султан, ул. Пушкина, 11; e-mail: lubomirdobrovolskiy@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1392-5355>.

Вклад авторов в статью

Г. Т. Каженова – основной автор и организатор исследования, формулировала выводы и обобщала итоги реализации коллективного проекта.

Л. С. Добровольский осуществлял сбор материала исследования, его анализ и систематизацию, оформление статьи.

Библиографическое описание статьи

Каженова Г. Т., Добровольский Л. С. Скифские захоронения: проблема локализации царских курганов // *Гуманитарный вектор*. 2021. Т. 16, № 3. С. 176–183. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-176-183.

References

1. Mikhailov, B. D. *Mysteries of Ancient Gerros*. Kiev, 2009. (In Rus.)
2. Boltrik, Yu. V. Elite burial mounds as markers of the territorial structure of Scythia. *Recherches Archéologiques*. Kraków, NS 3, pp. 101–112, 2011. (In Rus.)
3. Otroshchenko, V. V. *Mozolevsky's Gerros*. *Archeology and ancient history of Ukraine*, vol. 2, pp. 152–154, 2016. (In Ukr.)
4. *Mozolevs'kii, B. M. Tovsta Grave*. Kiev, 1979. (In Ukr.)
5. Alekseev, A.Yu. *Scythian Chronicle*. SPb, 1992. (In Rus.)
6. Boltrik, Yu. V. On the question of the political center of Scythia. *Antiquities of the steppe Black Sea coast and Crimea*. Zaporozhye, is. XI, pp. 38–41, 2004. (In Ukr.)
7. Kuznetsova, T. M. Some aspects of the Scythian archaeological culture. *Kimmerowie, scytowie, sarmaci*. Kraków. 2004: 219–230. (In Rus.)
8. Bandrivs'kii, M. S. Modern understanding of the “Scythian” and the problem of ethno-cultural affiliation of the bearers of the Middle Dniester group. *Materials and research on the archaeology of Prykarpatia and Volyn*, issue 11, pp. 77–100, 2007. (In Ukr.)
9. Murzin, V.Yu. The problem of determining the burials of Scythian nomarchs. *Archeology*, no. 1, pp. 19–112, 2015. (In Ukr.)
10. Alekseev, A.Yu. *Chronography of European Scythia*. SPb, 2003. (In Rus.)
11. Kurochkin, G. N. A hypothetical reconstruction of the funeral rite of the Scythian kings of the 8th–7th centuries. BC. and the Arzhan mound. *Scythian-Siberian cultural and historical unity*. Kemerovo, 1980: 105–117. (In Rus.)
12. Alekseev, A.Yu., Murzin, V.Yu., Rolle R. Chertomlyk. *Scythian royal mound of the 4th century. BC*. Kiev, 1991. (In Rus.)
13. Il'inskaya, V. A., Terenozhkin A. I. *Scythia 7–4 centuries BC*. Kiev, 1983. (In Rus.)
14. Akishev, K. A. *Issyk Mound*. M., 1978. (In Rus.)
15. Kozintsev, A. G. *Scythians of the Northern Black Sea Region: Intergroup Differences, External Relations, Origin*. *Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, is. 4, pp. 143–157, 2007. (In Rus.)
16. Mandel'shtam, A. M., Stambul'nik E. U. On some problems of the history of the early nomads of Tuva. *The latest research on the archaeology of Tuva and the ethnogenesis of Tuvans*. Kyzyl, 1980: 43–59. (In Rus.)
17. Savinov, D. G. Tuva of the early Scythian time at the “crossroads” of cultural traditions (aldy-bel culture). *Cultural broadcasts and historical process (Paleolithic – Middle Ages)*. SPb., 1994: 76–92. (In Rus.)
18. Stambul'nik, E. U., Chugunov, K. V. Burials of the Bronze Age at the Aimyrlyg burial field. *Okunev collection 2*. SPb, 2006: 292–302. (In Rus.)
19. Chugunov, K. V., Nagler, A., Partsinger, G. *Arzhan-2: Materials of the Bronze Age*. *Okunev collection 2*. SPb, 2006: 303–311. (In Rus.)
20. Terenozhkin, I. A. The social structure of the Scythians. *Scythians and Sarmatians*. Kiev, 1977: 3–28. (In Rus.)
21. Kothe, H. *Pseudoskythen*. *Klio*, Bd. 48, pp. 61–79, 1967. (In Germ.)
22. Kothe, H. *Appolons ethnokultureller Herkunft*. *Klio*, Bd. 52, pp. 18–29, 1970. (In Germ.)

Received: March 31, 2021; accepted for publication May 10, 2021

Information about author

Kazhenova Gulnar T., Candidate of History, Associate Professor, L. N. Gumilyov Eurasian National University; 11 Pushkina st., Nur-Sultan, 010008, Republic of Kazakhstan; e-mail: gkazhenova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4124-0460>.

Dobrovolskiy Lubomir S., Student, L. N. Gumilyov Eurasian National University; 11 Pushkina st., Nur-Sultan, 010008, Republic of Kazakhstan; e-mail: lubomirdobrovolskiy@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1392-5355>.

Contribution of authors to the article

G. T. Kazhenova the main author and organizer of the study, formulated conclusions and generalized the results of the implementation of the collective project.

L. S. Dobrovolskiy collected the research material, analyzed and systematized it, and designed the article.

Reference to the article

Kazhenova G. T., Dobrovolskiy L. S. *Scythian Burials: The Problem of Localization of the Royal Mounds* // *Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16, No. 3. PP. 176–183. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-176-183.